

жении многого времени Русская Церковь будет постоянно помнить поступок Исидора, а в отношении к греческим епископам будет настороженное отношение, как к людям с, возможно, неправославным устройением. Именно поэтому спустя несколько лет, в 1448 г., Русская Церковь провозгласит свою автокефалию, и теперь митрополиты Русской Церкви будут избираться из среды русского духовенства.

Ю. Н. Кабанков

Владивосток

МАКСИМ ГРЕК У ИСТОКОВ СЛАВЯНСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ. ВОПРОС «КНИЖНОЙ СПРАВЫ», ПЕРЕВОДОВ И ТОЛКОВАНИЯ ТЕКСТОВ НА РУСИ В XVI СТОЛЕТИИ

Вопрос об исправлении книг – вопрос не только литературный, но и общегосударственный для того времени, если иметь в виду практическое его значение в борьбе с ересями, борьбе, ведшейся тогда уже на более или менее «научной» основе.

В XVI в. он стал литературным вопросом по преимуществу, поскольку касался преимущественно церковной литературы. Точный, правильный текст книги, особенно церковной, является практической потребностью в условиях настоятельной необходимости защиты чистоты и истинности самого догмата.

Вопрос об исправлении книг, прежде всего священных, становился первостепенным, поскольку даже в таком авторитетном, оберегаемом памятнике, как Евангелие, на Руси к тому времени налицо было значительное количество различных чтений [1].

Кроме того, само соотношение между оригиналом и переводом теперь понималось иначе, нежели в эпоху Кирилла и Мефодия; основу этого «нового» воззрения составляет *буквальность в передаче подлинника словесная, а не смысловая.*

Забегая немного вперед, кстати можно вспомнить, что *само возникновение в Москве книгопечатания (середина XVI в.) зависит в значительной степени от этого сознания необходимости исправления книг:* стремление иметь всюду единообразный правильный текст Священного Писания и богослужебных книг побудило власти устроить в Москве печатное

дело, как о том гласит послесловие первой московской печатной книги (Апостола 1563–1564 гг.) [2].

При всем этом не было и надежных подходящих для перевода лиц, которые бы знали настолько хорошо греческий язык, чтобы смогли справиться с делом даже при наличии греческих книг.

Ослабление, уже давно начавшееся, непосредственных связей с Византией (самостоятельность русской Церкви, падение Константинополя) отразилось на знакомстве и интересе к греческому языку; при отсутствии же «научных» запросов изучение греческого языка также практически отсутствовало.

У Ивана III, женатого на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора, был прямой повод обратиться к грекам с просьбой прислать переводчиков. Были и свои непосредственные связи с греками, прежде всего с греками-иноками уже тогда знаменитого и чтимого Афона: Иван III числился покровителем и защитником христиан, живших теперь под властью турок (вот еще один повод и основание для зарождения идеи «Москва – Третий Рим»), прежде всего – покровителем Афонских монастырей.

Его преемник, Василий Иванович, избрал последний путь: решил просить у греков-афонитов переводчика.

Таким переводчиком-справщиком и оказался Святогорец Максим Грек.

Перевод «Толковой Псалтири» считали нужным в Москве ввиду важности самой книги для православных: борьба с ересью жидовствующих еще не утратила своей актуальности, а Псалтырь, кроме всего прочего (особенно «Толковая»), играла видную роль, споспешествующую в этой борьбе.

Поскольку Максим мало разумел славянский язык, ему в помощники дали русских «книжных людей»: известного Дмитрия Герасимова, подручного архиепископа Геннадия в «собирании» полной русской Библии, и некоего Власия Игнатьева, хорошо знакомых с латинским языком, которым, конечно же, владел и Максим Грек. Были также прикомандированы к нему и писцы: монах Сергиева монастыря Силуан (Селиван) и «зело славный» каллиграф Михаил Медоварцев.

Максим Грек, начав работу над переводом «Толковой Псалтири», пользовался латинским языком: он переводил толкования с греческого на латинский, а его помощники уже с латинского на славяно-русский, т. е. тогдашний церковно-славянский литературный язык.

При таком двойном переводе дело, конечно же, шло медленно: труд перевода «Толковой Псалтыри» занял год и пять месяцев. Этот труд вызвал определенное недовольство даже среди сотрудников Максима Грека. Указывали на то, что Максим слишком смело менял местами текст святой книги, хотя на самом деле это были лишь просто исправления грамматических и стилистических ошибок или же удаление явных несообразностей, вкравшихся в славянский текст после ряда копий без сверки с подлинником. *Максим смотрел на свое дело с точки зрения филологической и научно-критической, а его окружающие – с буквалистической, то есть попросту не понимали оснований его исправлений.*

Отметим как данность тот факт, что в XV–XVII вв. книжный язык по многим параметрам противопоставлялся языку разговорному.

Несмотря на вышеуказанные преткновения в работе, церковные власти отозвались о труде Максима Грека с великой похвалой, Максим получил награду и «великую мзду». Спутники Максима Грека были отпущены на Святую Гору, сам же Максим был «удержан для других трудов».

В дальнейшем Святогорец вполне освоил русский, хотя исследователи отмечают и в позднейших его произведениях языковые особенности, избличающие автора-грека.

Главным же делом своей жизни в первые годы пребывания в Московии Максим считал переводы.

Греческим языком Максим владел не только как его носитель, но и как ученый-филолог. Так же свободно он пользовался латинским, языком средневековой образованности, однако русский знал еще не настолько, чтобы переводить самостоятельно.

Переводческий и книгописный центр объединял самых образованных людей того времени и лучших каллиграфов. Книги тогда переписывались от руки, и *каллиграфическое искусство было важным компонентом культуры.* Лучшие писцы владели несколькими манерами письма (подобно набору шрифтов в типографии), избирая их в зависимости от характера воспроизводимого текста и вкусов заказчика.

Любимым учеником Максима был упомянутый уже инок Троице-Сергиевой Лавры Селиван, первоначально выполнявший лишь роль писца. Максим, вероятно, обратил на него внимание, увидев, как удачно он имитирует изящный греческий минускул (тип письма) в русских текстах. Убедившись в его способности к «словесным учениям» и старательности, грек

начал обучать его языку и готовить к самостоятельным переводам («учения ради вдался ему в послушание», – напишет потом Селиван).

Вместе они перевели Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, а Беседы на Евангелие от Матфея ученик делал уже самостоятельно. Селиван перевел книгу «добрейше и благоразумнейше»; «сладким гласом» (то есть греческим языком) он овладел «достойно», – напишет Максим в послесловии к переводу, характеризуя достоинства переводчика, обусловившие совершенство перевода, его точность, соответствие смысла оригиналу.

Оброненное здесь слово «беседа» очень точно определяет то, что теперь называют «методом обучения». Таким же способом, в живом и активном собеседовании Святогорец будет позже учить греческому языку и других учеников (Нила Курлятева, например).

Послесловие Максима Грека к переводу Евангельских бесед Иоанна Златоуста, представляющее читателям новую книгу, написано как послание «боголюбезным мужем росияном, сербом и болгаром». Как видим, автор осознавал просветительский характер своего труда, служащего делу просвещения всех славянских народов.

Сам Селиван написал Предисловие к переводу; это настоящая хвала учителю, где ученик воздает должное не только его интеллектуальным качествам, но и нравственному облику. Исполненный сердечного пиетета Селиван писал о Святогореце: «И много от человек нынешнего времени отстоит мудростию и разумом, и остротой ума» [3].

Для совместного перевода с Селиваном Максим не случайно избрал Иоанна Златоуста – одного из древних христианских авторов (IV в.), читаемого не только Восточной, но и Западной Церковью.

Обратим, однако, внимание на некоторые характерные черты предпочтений Максима Грека касательно переводимых текстов.

Самые ранние его переводы – Толковая Псалтырь и Толковый Апостол (толкование книги «Деяний Апостольских»). Обратим внимание на такое сопоставление: Псалтырь – памятник *сравнительно* небольшого объема; Толковая же Псалтырь, переведенная Максимом, – рукопись в несколько сотен страниц большого формата, фолиант, где толкование текста занимает значительно больше места, нежели сам текст.

Здесь мы неминуемо должны коснуться проблемы истолкования как таковой в отношении «богвдохновенных текстов»: кто может и должен (имеет право) истолковывать эти тексты?

Ретроспективно взглядываясь в историю христианской письменности, мы видим людей, которых христианская традиция называет «отцами Церкви». Это есть личности, учителя и писатели, «в которых Церковь единодушно признает авторитетных свидетелей, то есть людей, глубоко понимавших и правильно истолковывавших Откровенную Истину» [4].

Отсюда: «отцом Церкви» почитается тот, кто в правильных понятиях толкует апостольскую веру для своих современников. Такой человек ясно видит проблемы своего времени и *проповедует христианство так, чтобы разрешить эти проблемы не только во времени*, ответить на вопросы, противостоять заблуждениям. «Юридическая» формулировка здесь невозможна: вся Церковь, все Предание служит критерием», – замечает Иоанн Мейендорф [4].

Такое живое понимание Предания ускользает от постороннего взгляда. Именно в силу внутренней «отстраненности» от объекта восприятия и Священное Писание, и Священное Предание становятся для современного нам обыденного сознания лишь «памятником культуры», то есть, как не нами сказано, – памятником на могиле христианства. Поэтому можно констатировать, что, например, протестантская «свобода» индивидуального толкования Священного Писания лежит вне русла истории христианской мысли.

Эта новаявленная «традиция», идущая от средневековых ересей и эпохи Реформации, провозглашавшая право каждого верующего самостоятельно, без посредников постигать смысл текста, отвергает истолковательное «Предание» во имя источного, первоначального «Писания», и тут же (и тем самым) входит в противостояние с самим Писанием.

Для иллюстрации сего посыла возьмем хотя бы разговор апостола Филиппа с «ефиопляским кажеником» (Деян. 8.30–31). Этот евнух, вельможа Эфиопской царицы, читает пророка Исайю (53.7–8), и Филипп спрашивает его: «Разумеешь ли, что читаешь?». На что слышит ответ: «Как могу разуметь, если кто не наставит меня?» «И попросил Филиппа взойти и сесть с ним».

Нужно сказать, что «истолковательные тексты», которые переводил Максим Грек, демонстрировали определенную православной традицией возможность «множественности подходов», показывая, как толковали и понимали текст разные авторы. Но при этом отбирались мнения самых авторитетных, «пестующих традицию» авторов (а традиция почиталась в средневековье едва ли не самым главным авторитетом и выполняла подчас своеобразную правовую функцию).

Итак: Максим Грек переводил и исправлял те книги, которые стоят у истоков славянского книгопечатания. Первые славянские печатные издания конца XV в. (краковской типографии Швайпольта Фиоля) – Октоих, Часослов, Триодь. Максим Грек занимался исправлением славянского перевода двух последних памятников. Первое же датированное московское печатное издание – «Апостол» Ивана Федорова 1564 г. А одна из первых переведенных Максимом книг – Толковый Апостол.

Максим Грек переводил памятники крупного масштаба, энциклопедического характера (например, византийский энциклопедический сборник X в. «Суда»), и эта сторона его деятельности совпала с тем направлением развития русской культуры XVI в., которое состояло в собирании предшествующего культурного наследия.

Подобно тому, как князья собирали земли, деятели культуры собирали культурное наследие. Свой неопределимо весомый вклад внес и преподобный Максим Грек.

Библиографический список

1. Сперанский М. История древней русской литературы. СПб., 2002. С. 403–405.
2. Государев печатный двор. Синодальная типография, М., 1903. С. 7–12.
3. Синицына Н. В. Гипербореец из Эллады, или Одиссея Максима Грека // Прометей. М., 1990. С. 220.
4. Протоиерей Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс-М., 1992. С. 8–9.

А. Г. Авдеев

Москва

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭПИГРАФИЧЕСКОГО «ПРОСКИНИТАРИЯ» В СОЗДАНИИ ИКОНОТОПОСА НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Комплекс надписей из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря – не имеющий себе равных памятник «русского барокко» второй половины XVII – начала XVIII в. Как своеобразный эпиграфический «путеводитель» по святым местам обители, он стал составной частью идейно-